УДК 304.2

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ В СВЕТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗМА И АНТИРЕАЛИЗМА

Богданова Вероника Олеговна,
Челябинский государственный педагогический университет,
старший преподаватель,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация
Главной задачей социального (символического) конструктивизма является исследование процесса преобразования системы знаний о мире в повседневную реальность. Рассмотренные в статье конструктивистские онтологические модели можно отнести к разновидности «слабого реализма».

Ключевые понятия:
онтология, эпистемология, реализм, антиреализм, конструктивизм.

Спор между реалистами и антиреалистами *идет* на протяжении всей истории западной философии. Как отмечает В.А. Лекторский, суть этого спора заключается в выяснении, имеет ли познание дело с существующей независимо от него реальностью или же с продуктами собственной деятельности [4, с. 6]. Однако ни в одной философской концепции мы не найдем реализма или антиреализма в «чистом» виде, поскольку «чистый реализм» представляет собой весьма наивную позицию даже для здравого смысла, а «чистый антиреализм» ведет к полному агностицизму. Следовательно, речь может идти только о множестве разновидностей реализма, представленного или в «сильной», или в «слабой» форме. «Сильные» реалисты признают существование материального или идеального миров самих по себе, для них характерна трактовка истины, основанная на принципе корреспонденции. Согласно теории отражения, истинные знания должны соответствовать некой абсолютно независимой «объективной реальности».

«Слабые» реалисты ставят под сомнение возможность познания мира самого по себе. Познавая, субъект не выходит за границы мира опыта, мира феноменов сознания. В данном подходе «мир в себе» выносится за пределы рассмотрения. «Слабые» реалисты воздерживаются от любого суждения онтологического характера, поскольку «любая действительность, о которой человек может что-то сказать, как-то ее выразить, является его внутренним когнитивным конструктом, который безразлично как называть – то ли знанием о действительности, то ли самой действительностью» [6, с. 58]. Конструктивистские модели философствования относятся именно к этой группе «реализмов». Их можно охарактеризовать термином Г. Фоллмера «гипотетический реализм» [5].

Применим конструктивистский подход к характеристике социального бытия и сознания. Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, сознание человека (даже сознание ученого) содержит много до- и квазинаучных интерпретаций жизни, которые считаются само собой разумеющимися. Поэтому при описании реальности, прежде всего, следует обратиться именно к этим интерпретациям, учитывая их само собой разумеющийся характер, хотя и в рамках феноменологических скобок [1, с. 38]. По сути многие теоретические конструкции, созданные учеными для объяснения тех или иных явлений, будут соответствовать

естественной установке, то есть будут опираться на жизнеутверждающую слепую веру, что мир существует таким, каким мы его воспринимаем. Поэтому философы, совершая феноменологический анализ реальности, воздерживаются «от причинных и генетических гипотез так же, как и от утверждений относительно онтологического статуса анализируемых феноменов» [1, с. 38]. Таким образом, конструктивистский подход, который можно отнести к гипотетическому реализму, стремиться вынести за скобки все утверждения о реальности «самой по себе». Объектом анализа в рамках такого подхода является мир феноменов, или «реальность для субъекта». Рассмотрим, как реализуется этот принцип на примере социального и символического конструктивизма.

Главной задачей социального конструктивизма является изучение процесса конструирования феноменальной действительности. Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, конструирование мира происходит в результате социальных взаимодействий, является продуктом коммуникации. Многие знания, заложенные в процессе социализации, даются индивиду a priori. Подобная преемственность знаний от общества к субъекту изначально гарантирует индивиду смысловой порядок. Эта упорядоченность опыта хотя и связана с определенной социально-исторической ситуацией, господствующей в обществе, но, тем не менее, кажется индивиду естественным способом видения мира, он принимает его безоговорочно и чаще всего до конца не осознает.

Повседневные знания людей включают в себя не только знания о предметах окружающего мира, но и культурные ценности. Социальный запас знаний, который имеет субъект, погруженный в повседневность, базируется на схемах типизации, которые позволяют соотносить происходящие события между собой и на основе сравнения выстраивать представления «не только типизаций других людей <…> но и типизаций любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных» [1, с. 73]. Схемы типизаций закладываются в сознание человека с самого детства и позволяют усвоить в сжатом виде огромный запас знаний и опыта, накопленных культурой, и сохранить традиции общества. Таким образом, социальное знание о повседневном мире является конструктом, который кажется естественным и очевидным, хотя он искусственно создан, принадлежит определенной культуре или общности.

Мы видим, что конструктивистские исследовательские модели опираются на принцип конвенции в познании реальности. Поскольку «внешняя» реальность выносится за скобки, бытие и мышление отождествляются. Корреспонденция, «очевидность» рассматриваются как «психологизмы», от которых следует избавиться. Согласно Э. Гуссерлю, «очевидными» могут быть только феномены сознания, которые даны непосредственно, в чистом виде, и освобождены от естественных и культурно-исторических «установок», отсылающих к предметной реальности (феноменологическая редукция). В конструктивистских моделях социальной феноменологии (П. Бергер и Т. Лукман) очевидными являются только те знания, которые легитимированы в социокультурной среде. Естественно, такие знания могут иметь сомнительный характер с точки зрения научной рациональности, научных парадигм, но тем не менее активно использоваться в социуме как достоверные и очевидные. Такая «очевидность» устанавливается в результате исторически закрепленного соглашения (конвенции) представителями различных социальных институтов, которое обеспечивает и поддерживает упорядочивание общественной жизни, типизацию поведения и мышления индивидов. Социальные конструкты знаний о действительности передаются каждый раз новому поколению и воспринимаются им как знания об объективной реальности.

Культура повседневности соткана из символических систем разной степени сложности. Многообразие символических систем свидетельствует о многообразии онтологий. Становится актуальной проблема «дешифровки» наиболее значимых социокультурных кодов, открывающих доступ к пониманию реальности.

В качестве примера множественности онтологий можно рассмотреть два взгляда на мир: первый – в системе координат, где Солнце неподвижно, и другой – в системе координат, где Солнце движется. В данном случае истинность каждой системы координат будет определяться не тем, каков мир в действительности, а тем, какую систему описания использует субъект, поэтому невозможно видеть мир в двух системах координат одновременно [3, с. 227–229]. Мир вне этих систем описаний нельзя постичь. По мысли представителя символического конструктивизма Н. Гудмена, наша Вселенная состоит из способов описаний в большей степени, чем из той или иной материи.

Субъект сам конструирует версию мира в соответствии с установленными правилами определенной теоретической системы.

Еще одним примером, показывающим разнообразие способов видения мира, является восприятие произведений искусства различными людьми. В понимании и толковании произведений искусства также нельзя определить систему правил, в соответствии с которыми можно было бы «перевести» одну версию мира в другую. Каждое описание верно для определенной «системы координат» (для данной науки, данного художника или данного воспринимающего эти описания (или изображения) [3, с. 266]. Кроме того, наше восприятие и оценка произведений искусства обусловлены нашим собственным пониманием, эрудицией, воспитанием эстетического вкуса, прошлым опытом.

Гудмен пытается снять противоречие между онтологическим монизмом и плюрализмом. Согласно его взглядам, если и существует лишь единственный мир, то он включает множество различных аспектов, а если же существует множество миров, то в любом случае существует лишь одно (единое в этом отношении) множество. Для обоснования этого тезиса Гудмен прибегает к аргументации У. Джеймса, по мысли которого каждый отдельный космос конечен, но количество этих космосов бесконечно, поэтому и мир, в конце концов, бесконечен. Гудмен приходит к выводу, что множество различных версий реальности не стоит сводить к их единственной общей основе. Хотя для «человека с улицы» большинство версий мира, которые предлагает ему наука и искусство, переплетаются с повседневным миром, который является неким базисом, в который встраиваются фрагменты научной и художественной традиции, мир повседневности принимается за единственно реальный всего лишь потому, что он является для подавляющего большинства привычным [3, с. 137]. Сведение одной системы мира к другой позволяет осознать вклад в понимание взаимосвязей между версиями мира, но редукция в строгом смысле почти всегда лишь частична [3, с. 121–122]. Таким образом, любая версия мира, например версия физикалиста, не может быть признана единственно истинной версией единственного мира, поскольку модели мира, которые предлагают различные формы культуры, фрагментарны и претерпевают постоянные изменения.

Согласно взглядам философа, трудно найти онтологическое обоснование теоретическим конструкциям реальности. Онтологическое основание представляется Гудмену «затерянным миром». В любом случае в процессе познания субъекты получают различные «версии» описаний мира, образованные благодаря единой для людей функции символизации. Раз существует множество миров, некоторые «истинные» утверждения могут противоречить друг другу, истина относительна. Выбор той или иной теоретической системы должен быть обусловлен полезностью для понимания процесса приобретения знания и создания версий мира, а также требованием простоты и удобства.

Таким образом, Гудмен отрицает понимание истины как корреспонденции. Корреспондентская теория истины, по Гудмену, вообще является бессмысленной, поскольку субъект никогда не сможет выйти за пределы интерпретации конкретной «версии» мира, чтобы путем сравнения с неким «объективным миром» установить, является ли она истинной или ложной. Поэтому ученые, стремящиеся найти истинное знание, по сути направляют свой исследовательский поиск на построение простой и в то же время полной теории, предназначенной для предсказаний будущего опыта и широко применяемой на практике. Истина имеет для ученого прагматический, функциональный характер. Истина, по словам Гудмена, вовсе не преисполненный важности хозяин. Она – смиренный и послушный слуга [3, с. 135].

Ученый, предполагающий, что он целеустремленно занят поиском истины, обманывает себя. По мысли Гудмена, для литературы, искусства, да и для самой науки, более предпочтительно применять термин не «истина», а правильность (корректность). Правильность (корректность) рассматривается Гудменом в соответствии с той или иной системой описаний. Проверка правильности версии мира происходит в рамках определенной системы координат, поэтому Гудмен говорит о «правильности подгонки» к определенной системе. Правильная подгонка, функциональная работоспособность и непротиворечивость элементов системы – характерные черты адекватного понимания данной версии мира. Любая форма культуры (наука, искусство, религия, миф) предоставляет допустимые, правильные с ее точки зрения версии описания мира.

Таким образом, конструктивистские модели социального бытия и сознания дают нам картину множественной реальности,

обусловленной плюрализмом культур. Действительность может постигаться множеством способов. Человек свободен в выборе систем описания миров, и поэтому выбирает те, которые согласуются с его жизненным опытом. Причем все эти системы следует рассматривать как вполне равнозначные альтернативы. Проблема множественности реальности порождает другую проблему – проблему истинности. Любой «объект» реальности может быть репрезентирован разными способами – в зависимости от того, к какой символической версии мира он принадлежит. В таком конструктивистском понимании концепт «истина» показывает, насколько полученные знания вписываются в целевые или дескриптивные контексты социокультурной реальности. Истина раскрывается в многообразии форм духовной жизни, в многообразии онтологий.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995. 323 с.

2. Богданова В.О. Конструктивистские модели философствования: гносеологический анализ / В.О. Богданова: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Челябинск, 2012. 23 с.

3. Гудмен Н. Способы создания миров. М.: «Идея-пресс»-«Праксис», 2001. 376 с.

4. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии / В.А. Лекторский // Познание, понимание, конструирование. М.: ИФ РАН, 2007. С. 6–30.

5. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998. 194 с.

6. Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 4. С. 38–59.

UDC 304.2

CONSTRUCTIVIST VIEW ON SOCIAL BEING AND CONSCIOUSNESS IN THE LIGHT OF ONTOLOGICAL PROBLEMS OF REALISM AND ANTIREALISM

Bogdanova Veronika Olegovna,
Chelyabinsk state pedagogical university,
chief professor,
candidate of philosophical sciences,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: verovictory@mail.ru

Annotation
The main aim of social (symbolic) constructivism is research of the process of transforming the system of knowledge about the world into reality. The constructivist ontological models considered in the article can be related to “weak realism”.

Key concepts:
ontology,
epistemology,
realism,
antirealism,
constructivism.

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia. M.: Medum, 1995. 323 s. (Russian).

2. Bogdanova V.O. Konstruktivistskie modeli filosofstvovaniia: gnoseologicheskii analiz / V.O. Bogdanova: avtoref. dis. ...kand. filos. nauk. Cheliabinsk, 2012. 23 s. (Russian).

3. Gudmen N. Sposoby sozdaniia mirov. M.: «Ideia-press»-«Praksis», 2001. 376 s. (Russian).

4. Lektorskii V.A. Diskussiia antirealizma i realizma v sovremennoi epistemologii / V.A. Lektorskii // Poznanie, ponimanie, konstruirovanie. M.: IF RAN, 2007. S. 6–30 (Russian).

5. Follmer G. Evoliutsionnaia teoriia poznaniia: vrozhdennye struktury poznaniia v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki. M., 1998. 194 s. (Russian).

6. Tsokolov S.A. Filosofiia radikal'nogo konstruktivizma Ernsta fon Glazersfel'da // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 7. Filosofiia. 2001. № 4. S. 38–59 (Russian).